

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й
№ 21 (3987)

Вторник, 17 февраля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Родное дело советской литературы

Передовое человечество называет XXI съезд КПСС «особо знаменательной вехой мировой истории». Всем сердцем одобряя величественную программу коммунистического строительства, разработанную партией, советские люди ныне еще и еще раз перечитывают, изучают материалы съезда, как документы первостепенной, жизненной для себя важности, осмысливают их применительно к своему будущему, своему труду, в самым заветным своим мечтам. Неудивительно увидеть сейчас и у рабочего советского литератора — на его рабочем столе, рядом с неоконченной рукописью — газетные страницы, ставшие поистине драгоценными. Для работы съезда явились в жизни нашей писательской общности, как и в жизни всего народа, величайшей вехой.

Литераторы с гордостью отмечают, что на историческом XXI съезде КПСС, в ряду важнейших государственных, политических вопросов, большое место было уделено и советской литературе, проблеме ее общественной роли, всестороннего развития культуры социалистического общества. Изучая материалы съезда — доклад Н. С. Хрущева, выступления Е. А. Фурцева, М. А. Суслова и других делегатов, мы убеждаемся, что на съезде был дан глубокий анализ современного состояния советской литературы, был ярко освещен марксистско-ленинский путь ее дальнейшего развития.

Общепризнана роль советских писателей, как верных помощников Коммунистической партии, народа. Именно эти люди списали любовь друзей и ненависть врагов. Яростные нападки зарубежной реакции, ревизионистов всех мастей на советскую литературу, на ее ленинский принцип партийности, принцип связи с жизнью народа, на метод социалистического реализма — нападки, которые неспроста усилились в последние годы, — с честью были отбиты нашими литераторами.

Прошло время, и сегодня, оглядываясь на пройденный этап, можно засвидетельствовать: уже как исторически свершившееся: да, в эти годы, в годы между XX и XXI съездами КПСС, советские литераторы стали еще монолитней, еще теснее сплотились вокруг родной Коммунистической партии. Выступления Н. С. Хрущева «за тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» сыграли важнейшую роль в борьбе за партийность литературы и искусства, за дальнейшее утверждение метода социалистического реализма, воодушевляли творческих работников, помогли им глубоко осмыслить современную действительность, нанесли решающий удар по ревизионизму в эстетике. Добрые плоды вращены при поддержке партии, которая так своевременно пришла на помощь советским писателям. Эти плоды — зримые, явственные! Они — в возросшей общественной активности наших литераторов... В их решительном обращении к магистральным темам современности, темам жизни советского народа... В большом успехе последних национальных декад искусства и литературы... Эти плоды, наконец, в самом конкретном — в десятках и десятках новых значительных книг, уже нашедших своего массового читателя. Нет сомнения, что такие произведения, как «Судьба человека» М. Шолохова или «За далью — даль» А. Твардовского, сердечно восторгавшие нас сегодня, надолго останутся большими человеческими документами о наших днях, о силе и величии души нашего современника. В этих и ряде других произведений последнего времени предметно отразилась целеустремленность и гражданская активность советских литераторов, всемерно стремящихся помочь партии в ее великом деле. Появилось немало интересных песен о современности. На глазах растут тиражи книг наших писателей — это требует советский читатель. Ни одна из современных литератур мира не имеет такого многочисленного и такового отзывчивого читателя, как советская литература, — обстоятельство, неоспоримо свидетельствующее об уровне ее развития.

Напоминание об этих живых фактах с трибуны XXI съезда КПСС — ошутливый удар по всем тем зарубежным влиятельным, которые кричат о «крахе» литературы социалистического реализма, об «угасании» советского искусства. Анализ важнейших явлений современной советской литературы, данных в выступлениях на съезде, вместе с тем явился для нас как бы подведением итогов определенного этапа развития литературы — этапа сложного и боевого, наполненного кипением больших человеческих страстей, ознаменовавшего видными творческими успехами.

А какая изумительная даль открылась перед советскими писателями, перед многонациональным социалистическим советским искусством вперед — с вершины XXI съезда партии! Дух захватывает, когда подумаешь, какие новые свершения ожидают ее завтра, — нет, уже сегодня! С особым вниманием вычитываются доклады художников в те страницы доклада Н. С. Хрущева на съезде, где говорится о коммунистическом воспитании народа. Здесь словно сконцентрировано, дано в ярком очерке все то, что так волнует писателей, что властно просится из самой жизни в их новые романы и поэмы, песни и литературоведческие труды. Здесь отклик на многие сокровенные думы литератора, ответ на животрепещущий вопрос: какой он, герой наших будущих книг, ка-

кого определяющие духовные черты советского человека — строителя семилетки? Это человек, руками которого создается материально-техническая база коммунизма, — он выигрывает соревнование с капиталистическим миром, он увидит Коммунизм в лицо! Человек, в котором с каждым шагом будут раскрываться лучшие нравственные черты, воспитываемые в нем партией. Это к нему обращены проникновенные слова резолюции съезда: «Во имя великой цели построения коммунизма можно и нужно хорошо потрудиться».

Вот о каком герое, о каких его деяниях нашим литераторам предстоит рассказать человечеству, предстоит запечатлеть его в образах полнокровных и сильных, «срабатанных» на века! И не только запечатлеть, но и помочь своему герою свершить, такое и стать таким, вместе с ним внять исторический рубеж, вместе с ним потрудиться в полную силу. Выше общественное назначение литературы — поднимать народ на борьбу за коммунизм, черты которого уже отчетливо проступают в нашей современности, формировать мировоззрение, характер, весь духовный облик человека коммунистического общества, стать подлинным выразителем пафоса коммунистического строительства. В этом — великий долг и великое счастье каждого советского писателя.

Художники, подтверждающие и закрепляющие действительность, достоверность свершений своего времени... Люди, верой и правдой служащие делу коммунистического строительства... Активные помощники партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся... Эти слова были сказаны в адрес советских писателей на XXI съезде Коммунистической партии. Какого же крылатого полета творческой энергии, какого яркого мастерства ждут от каждого из нас партия и народ, верящие, что советские литераторы будут достойны великих задач семилетки, достойны этой высокой оценки!

БЛИЗО Третий всесоюзный писательский съезд — до него остались буквально считанные недели. Он соберется вскоре после исторического XXI съезда партии, и это обстоятельство имеет самое решающее значение. Третий съезд будет съездом литераторов, вместе со своим народом вступающих в период развернутого строительства коммунистического общества. Какое это знаменательное событие для нашей литературы! Главным в деятельности писательского съезда будет мобилизация литераторов на решение задач, вставших сегодня перед ними во всем своем величии: полней и ярче отразить новые процессы и явления нашей жизни, кипучую революционную энергию героического советского народа, великие преобразования в городе и деревне, показывая, как преодолевается пережитки прошлого в сознании людей, поднимая художественную ценность произведений. По-хозяйски, со всей серьезностью и деловитостью представляем нашей многонациональной литературе надо будет проанализировать весь объем работы, доверенной им в народной семилетке, определить, на каких самых верных путях мы достигнем цели, вдохновляющей всех писателей страны.

Решения из этих путей указаны на XXI съезде КПСС. Борьба нашей литературы за высокий моральный облик советского человека, за дальнейший рост искусства возможна лишь при полной ясности идейных позиций самих художников. Наступательно, непримиримо вести бой против чуждых идейных влияний! — это по-прежнему остается важной заповедью в жизни литературной общности. Особую силу приобретает ныне призыв крепить и углублять связь литературы с жизнью народа, с политической Коммунистической партии. Творческий процесс — чрезвычайно сложный и тонкий процесс. Многими и разными условиями предопределен писательский успех. Но одно в наши дни совершенно необходимо каждому писателю — он сам должен быть деятельным участником жизни народа, сам должен отменно разбираться в сущности нового, коммунистического, страстно и глубоко быть заинтересованным в его побуде.

Все ли решено нами на этом пути, все ли нами сделано, что уже могло быть сделано? Нет, далеко не все. Делегаты, выступавшие на XXI съезде, конкретно отметили отдельные промахи и недостатки в деятельности наших литераторов за последнее время. Еще ждут своего последнего часа. Еще ждут своего последнего часа. Еще ждут своего последнего часа. Еще ждут своего последнего часа.

Весь советский народ с огромным воодушевлением называет своими кандидатами в депутаты Верховных Советов республик лучших людей страны. Несколько дней назад на заседании Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Украинской ССР были обсуждены итоги регистрации кандидатов окружными избирательными комиссиями республик. В числе зарегистрированных — восемьдесят Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, семнадцать лауреатов Ленинской и Сталинской премий.

В числе кандидатов в депутаты Верховного Совета Туркменской ССР писатели Берды Кербабаев, Кара Сейталиев, Алты Карлиев.

ракет, как освоение целины, строительство комсомольских домен и шахт, великий поход молодых патриотов на новостройки Востока. Остро встает вопрос о страстной, боевой публицистике, которая раскрывала бы на фактах и примерах величие наших дел и наших планов, бичевала все то, что мешало нам идти вперед. Наша литературная критика, печать иногда почти завесомо попустительствуют выходу в свет несовершенных, недоработанных произведений, только компрометирующих важную тему современности. В театрах, на экранах, по радио и телевидению появляются еще произведения, слабые в идейном и художественном отношении, мелкие по теме, подчас вовсе не призываемые для советского зрителя. Мы еще никак не можем полностью удовлетворить растущий спрос на литературу для детей и юношества. Обсуждая проблемы коммунистического воспитания трудящихся, съезд партии много внимания уделит молодому поколению — тем, кто будет жить и трудиться при коммунизме. Кто, как не наша литература, поможет им, молодым строителям коммунизма, глубоко познать историю Родины, традиции рабочего класса, героическую историю партии! Кто, как не наша литература, поможет оглянуть советскую молодежь от буржуазных влияний, нравственно подготовить ее к высокой миссии, поможет ей жить и работать по-коммунистически! Важным элементом входит в решение этой огромной проблемы и идейно-воспитательная работа с молодежью в самой писательской среде, где до сих пор еще немало серьезных недостатков, ведущих к отрыву творческой молодежи от жизни... Когда мы говорим о предстоящем писательском съезде, когда хотим видеть его по-деловому направленным, мы надеемся, что результаты его работы самым действенным и оперативным образом скажутся прежде всего именно на решении таких вот конкретных проблем, нужных и важных сейчас для народа.

И, конечно же, в большом писательском разговоре видное место займет проблема, так естественно вытекающая из всего, что было сказано о советской литературе на XXI съезде партии. Это проблема всемерного повышения идейно-художественного уровня творчества. Задача, поставленная перед искусством и литературой еще на XX съезде КПСС — стать первыми в мире не только по богатству содержания, но и по художественной силе и мастерству, — приобретает сейчас особое значение. Великая цель требует великих средств. Думается, что в эти напряженные предсъездовские дни наша писательская общественность, готовая своей

Третьему писательскому съезду счастливо выпадает собраться в дни, когда наш народ открывает первую страницу тринадцатой семилетки. Всей душой откликается советские литераторы на призыв XXI съезда КПСС — быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, в пропаганде коммунистической морали, в развитии многонациональной социалистической культуры.

«Строительство коммунизма, — сказал на съезде Н. С. Хрущев, — стало родным делом всего народа, каждого сознательного советского человека». Строительству коммунизма — родное дело советской литературы. Во имя его живут, трудятся, дерзают советские писатели.

Открывая IV съезд белорусских писателей, народный писатель республики К. Крапива пошутил: «Весь технический прогресс писательского труда со времен Пушкина ограничивается, пожалуй, тем, что гусяное перо заменилось авторучкой. Такое усовершенствование не гарантирует нам, что мы будем писать художественные произведения лучше наших славных предков. А ведь тем же ледяным способом нам приходится писать о новой действительности, о действительности эпохи атомных электростанций и космических ракет, о творцах этой фантастической техники — строителях коммунизма».

Эта же мысль, уже в серьезной форме не раз повторялась с трибуны съезда. У современной жизни очень быстрый темп. Отставать от нее литература не имеет права. Но, чтобы не отстать, надо знать жизнь. И известно, — говорил в докладе Петрус Бровка, — что писать интересно, занимательно можно, только хорошо зная то, о чем собираешься писать. Много раз уже говорилось об этом, и сегодня не помешает сказать еще раз — надо знать жизнь!

«Самое вредное для писателя — равнодушие. А оно у нас есть. Чем, как не равнодушием, можно объяснить, что такие огромные стройки, как стройки Васильевской, Березовской ГРЭС, не привлекают нашего внимания... Это совсем непростительное». Да, там рождаются новые герои, закладываются человеческие характеры, и можно только пожалеть о том, что писатели все-таки в стороне от этого кипения, интереснейшего жизненного материала.

В нелегкое положение может поставить литератора современная жизнь своими темпами, своей кипучестью. М. Лужанин привел в своей речи такой пример. 3 января в 8 часов утра позвонили поэту из газеты: нужны стихи о космической ракете и не позднее восьми вечера. Всего несколько часов дано поэту. Что он успеет сделать? Изложить более или менее «грамотными» рифмами то, что услышал по радио? Как тут быть? Может, смириться с неважным качеством «оперативного отклика»? Но почему же если уж «оперативность», так и «неважность»? Нет. Если поэт будет жить в самой гуще жизни, если он все время будет слышать биение ее пульса, то такая просьба газеты не застигнет поэта врасплох, ему будет что сказать, — тогда и прекрасные рифмы найдутся. Да ведь и запуст космическое впечатление, не был для советского народа чем-то сверхъестественным; так и должно быть, страна строителей коммунизма... Но кому этому надо прибавить, что не только жизнь, но и читатель теперь не тот, что во времена Пушкина (не говоря уже о количественных показателях). Характерная черточка — приветствовавшие съезд пионеры потребовали от писателей, чтобы в белорусской ли-

тературе вместо Микошки-паровоза появился Микошка-вертолет. Наш читатель не принимает серых, вялых, нейтральных произведений. О том, как писателю стать на уровне требований современности, как лучше всего помочь партии и народу выполнить великие решения XXI съезда, как повысить художественное мастерство, и шел содержательный трехдневный разговор на съезде писателей Белоруссии.

В обстоятельном докладе П. Бровка затрагивались многие вопросы, в частности, весьма важные историко-литературные (например, дана четкая оценка литературным объединениям 20-х годов, таким, как «Маладняк», «Узвышша», деятельность которых вызвала немалые споры). Но, конечно, несравненно большая часть доклада была отведена подробно разговору о современной белорусской литературе, в первую очередь о прозе, о том, что она значительно выросла количественно и качественно, расширила тематический диапазон. Бесспорен также рост мастерства, общий подъем уровня белорусской прозы, особенно рост отдельных мастеров. Съезд отметил, что в белорусской прозе, помимо известных произведений крупных жанров, наблюдаются значительные успехи малых жанров — рассказы, очерка.

На примерах из прозы строилось большинство выступлений в прениях. Интересную проблему заметил молодой критик А. Адамович. — Критики, — утверждал он, — часто декларируют, что социалистический реализм не только допускает, но и требует богатства художественных индивидуальностей, но редко мы напомним эти декларации конкретным содержанием. Читая некоторые статьи, нередко задаешь вопрос: а не сводит ли критика художественное разнообразие к внешним особенностям стиля? Некоторые авторы все же считают, что жанром и языковой манерой исчерпывают понятие художественного многообразия. Но это не так. Вот мы читаем Шолохова, а потом Леонова, Маяковского, а потом Твардовского, Коласа, а потом Чорного и чувствуем, что разница между ними не только в жанре или языковой манере, а кое в чем больше. Крупнейшие советские писатели — писатели одной идеологии — первооткрыватели новых сфер в жизни общества, первооткрыватели новых человеческих характеров... Основа всякой оригинальности — новое содержание писательских раздумий о жизни.

В целом можно сказать, что прозаики на съезде услышали больше похвал (хотя и немало упреков), чем представители других жанров литературы. И, действительно, белорусские прозаики потрудились хорошо: за четыре отчетных года в докладах своего идейного заказчика белорусской литературе появилось много высококачественных и высокохудожественных прозаических про-

изведений (исключением была идейно неверная повесть А. Кулаковского «Добродельцы», которая вновь резко обсуждалась на съезде). Немало было сказано о белорусских поэтах в докладе, и сожалению, нельзя добавить «и в прениях» — поэты выступали вообще мало, а когда выступали, то говорили в основном о других вопросах. П. Бровка, в частности, с удовлетворением отметил значительное пополнение белорусских поэтических рядов талантливым молодежью. Но докладчик указал и на слабость современной белорусской поэзии — отсутствие широких полетов, неизжитую еще декларативность, мелкотемье и похощение друг на друга многих лирических стихов.

Пожалуй, наиболее серьезные упреки пришлось выслушать белорусским драматургам. И недаром находят в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии тов. К. Мазаур, выступивший на съезде с большой, проникнутой требовательной заботой о литературе речью, обратился к драматургам с горячим призывом: — Я думаю, что дело не столько в том, что некоторые писатели не владеют мастерством драматурга, а главным образом в том, что они, плохо зная современную жизнь и проблемы, волнующие наших людей, просто бояться писать пьесы о современности, бояться предстать перед многочисленным критиком, каким является театральный зритель...

Товарищи! Не щите спокойной жизни, будьте добры, выполняйте свой партийный заказ — давайте современную пьесу... Конечно, съезд не обошел и работу литературной критики, того «управляющего устройства», от успешной работы которого во многом зависит и успешное развитие всех жанров. В фойе съезда висели карикатуры, созданные художником «Вожжика» — белорусского сатирического журнала. Одна из них изображала критиков с надоетой на рот повязкой из марли (сатирику «оттолкнулись от жизни»; по Минску прокатилась эпидемия гриппа). Карикатура злая, если иметь в виду не отдельные случаи, а состояние белорусской критики в целом, не совсем справедливая. Во всяком случае, если сравнить нынешнее положение с тем, какое было во время III съезда, то ясно видно, что белорусские литературоведы преодолели большую работу, и на съезде заслуженно отметили их успехи. Однако до сих пор главные силы белорусских литературоведов и критиков заняты разработкой проблем, связанных с историей белорусской литературы. Объясняя это, председатель секции критики В. Юревич заметил, что после войны белорусское литературоведение, в сущности, только начиналось; за это время белорусским исследователям успешно удалось осветить многое из истории родной литературы. Однако, продолжал В. Юревич, безусловно правы те, кто высказывает не-

удовлетворенности нашей деятельностью по освещению сегодняшнего литературного процесса. На XXI съезде партии очень много было отведено вопросам сближения науки с жизнью. Это относится и к литературоведению. Нет такого писательского собрания, на котором не возникала бы беседа о языке. Много было сказано об этом и на съезде писателей Белоруссии — в речах А. Якимовича, С. Шушкевича, М. Лужанина, народного артиста СССР Г. Шыры и других. (М. Лужанин привел любопытный пример: в одном поэтическом сборнике лингвисты насчитали всего 168 слов.) Недостаток места не позволяет нам подробно изложить, что говорилось на съезде о детской литературе, о воспитании писательской молодежи и о других важных вопросах, волнующих всех литераторов.

Можно было бы рассказать и об интересных выступлениях гостей съезда. Например, о речах главы делегации правления Союза писателей СССР В. Катаева, секретаря ЦК ЛКСМБ В. Смирнова или ленинградского переводчика А. Островского. Последний выдвинул много деловых предложений, направленных на укрепление связей белорусских и русских писателей. Хотелось бы поддержать то место из его выступления, где А. Островский упрекнул белорусских языковедов, которые до сих пор не создали белорусско-русского словаря.

Много важного для белорусской литературы было сказано на съезде, а главное внимание было обращено, как мы уже говорили, на то, как отразить с наибольшей силой великие дела советского народа.

Вы посмотрите, как самоотверженно трудятся сегодня простые советские люди на предприятиях, в колхозах и на стройках, каких замечательных героев труда вырастила наша Советская власть! Кто не знает прославленного бригадира каменщиков Героя Социалистического Труда Марию Макаревич! Десять лет назад по путевке комсомолом она приехала из Польши в Минск на строительство автомобильного завода. Здесь, в рабочем коллективе, закалялась и формировался характер простой и скромной девушки, и Мария Макаревич стала знатным строителем столыпинской нашей республики.

Тысячи таких героев труда имеются в каждом городе и районе, на наших многочисленных предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах.

К сожалению, у нас еще мало хороших книг о людях сегодняшнего дня... Чтобы глубоко и правильно показать жизнь в быту и труде советских людей, писатель должен жить среди своих героев, делить с ними радость и невзгоды, учиться у них и учиться у них... Этими словами первого секретаря ЦК КП Белоруссии мы и закончим наши краткие заметки.

МИНСК. (Наш спецкор)

Детские писатели Куддус Мухаммади и А. Барто среди самых юных участников декады — воспитанников музыкальных школ г. Ташкента. Фото А. ЛАПТИНА

Узбекские гости в Москве

В минувшее воскресенье в Доме союзов был переполнен. Здесь собралась представительная общественность и столичные рабочие, писатели, артисты, ученые, военная служба и т. д., чтобы принять участие в торжественном открытии декады узбекского искусства и литературы.

В президиум — секретари правления Союза писателей СССР А. Сурков, Н. Тихонов, В. Ажаев, Г. Марков, С. В. Смирнов, представители писательских организаций братских республик, первый секретарь ЦК КП Узбекистана С. Камалов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. П. Рашидов, Председатель Совета Министров республики М. З. Мирза-Ахмедов, литераторы Узбекистана и Москвы.

Со словами горячего приветия к дорогим узбекским братьям обратился А. Сурков. — Узбекская литература, — сказал он, — одна из самых зрелых литератур. Писатели Узбекистана многое сделали, чтобы показать жизнь своего народа, озерного солнца Великого Октября. На декаду они привезли новые талантливые книги, рассказывающие о героических буднях своего народа. Эта встреча еще более знаменательна тем, что она происходит в дни, когда весь советский народ с чувством радости и гордости за свою Коммунистическую партию приступил к осуществлению решений XXI съезда КПСС.

Первый секретарь правления Союза писателей Узбекистана К. Яшен охарактеризовал творчество литераторов республики и рассказал о тех больших задачах, которые стоят перед ними в предстоящем семилетии. — Претворяя в жизнь исторические решения XXI съезда КПСС, мы еще

успешно выступаем перед москвичами артисты Узбекистана. На первом спектакле «Дилором» шедшем на сцене Большого театра Союза ССР, присутствовали товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. И. Микоян, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, П. Н. Поселов, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский, а также первый секретарь ЦК КП Узбекистана С. Камалов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. П. Рашидов, Председатель Совета Министров республики М. З. Мирза-Ахмедов.

Вчера в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина открылась выставка книг и плаката, а в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — выставка изобразительного и народного декоративного искусства Узбекской ССР.

В Союзе писателей СССР начались творческие дискуссии.

Успешно выступали перед москвичами артисты Узбекистана. На первом спектакле «Дилором» шедшем на сцене Большого театра Союза ССР, присутствовали товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. И. Микоян, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, П. Н. Поселов, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский, а также первый секретарь ЦК КП Узбекистана С. Камалов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. П. Рашидов, Председатель Совета Министров республики М. З. Мирза-Ахмедов.

Успешно выступали перед москвичами артисты Узбекистана. На первом спектакле «Дилором» шедшем на сцене Большого театра Союза ССР, присутствовали товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. И. Микоян, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, П. Н. Поселов, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский, а также первый секретарь ЦК КП Узбекистана С. Камалов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. П. Рашидов, Председатель Совета Министров республики М. З. Мирза-Ахмедов.

Кандидаты в депутаты

Весь советский народ с огромным воодушевлением называет своими кандидатами в депутаты Верховных Советов республик лучших людей страны. Несколько дней назад на заседании Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Украинской ССР были обсуждены итоги регистрации кандидатов окружными избирательными комиссиями республик. В числе зарегистрированных — восемьдесят Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, семнадцать лауреатов Ленинской и Сталинской премий.

В числе кандидатов в депутаты Верховного Совета Туркменской ССР писатели Берды Кербабаев, Кара Сейталиев, Алты Карлиев.

КАК РАСТЕТ и ширится это замечательное движение, по своему возрасту еще молодое, но с большой родословной, восходящей к далеким временам, когда люди его участников выходили на первые коммунистические субботники, а отцы объявляли себя ударниками!

Жить по-коммунистически! У ИСТОКОВ МОГУЧЕЙ РЕКИ

Бригады коммунистического труда... Вчера они насчитывались единицами. Сегодня их уже сотни. А завтра счет надо будет вести на тысячи. Это люди такие — воспитаны в себе такие моральные качества, которые должны быть свойственными строителям коммунизма, превыше всего ставящего интересы коллектива, в котором он живет.

Мне довелось побывать на Ленинградском металлургическом заводе, молодежь которого была инициатором этого движения на Выборгской стороне. Там я познакомился с Анатолием Шининым. Это молодой токарь из гидротурбинного цеха, вожак бригады, соревнующийся с бригадой Михаила Ромашова из механо-сборочного.

Бригада Шинина занимает одно из первых мест на заводе. В ее составе имеются совсем молодые производственники, недавние выпускники ремесленного училища. Все они выполняют нормы на 130—150 процентов, а «старые» члены бригады перевыполняют нормы в два раза. Сам бригадир с виду мало чем примечателен. Но у этого простого парня, типичного выборжца-металлиста, широкие замыслы. Когда на заводском собрании обсуждался тезисы доклада Н. С. Хрущева и Михаил Ромашов заявил, что он и его товарищи хотят жить и работать по-коммунистически, первым, кто откликнулся на этот призыв, был Анатолий Шинин.

Владимир Бирюков, молодой инженер, секретарь комсомольской организации Металлического завода, рассказывает, что еще задолго до того, как создана была первая бригада коммунистического труда, мысль о ней горячо обсуждалась и в молодежных общешкольных, и в рабочих курилках, и за столиками заводской столовой. Многие, быть может, еще не ясно было, направившись такие вопросы, на которые не сразу можно было ответить, но все сходились на самом главном и важном: жить и трудиться по-коммунистически. Это глубоко жизненная идея.

В ДНЕВНИКЕ Анатолия Шинина, который он ведет с первого дня соревнования его бригады с бригадой Ромашова, есть несколько записей, характеризующих круг интересов и его самого, и его товарищей. Вот, например, две из них:

«Надя Пехоткина предложила прочитать «Политбюро целину» и обсудить ее всей бригадой...»

«Ходили на промышленную выставку не только всей бригадой, но привлекли молодежь со своего участка... Договорились идти всей бригадой в Русский музей».

Читая этот дневник и беседа с его автором, я подумал о том, как, в сущности, однолинейно и плоско некоторые романисты наши изображают подчас современного молодого рабочего, подчеркивая в нем, главным образом, то, что относится к сфере его производственной жизни, и мало вникая в интеллектуальные запросы. В литературной критике мы такой статистики не ведем, но если бы, скажем, перечислить книги, о которых по воле писателей раздумывают и спорят молодые рабочие, то и пальцев одной руки многовато. А что уж говорить о музеях и театрах, в которых бывают или, верней, не бывают литературные молодые герои?

В какой мере это справедливо? И справедливо ли вообще?

Конечно, прямое отношение к организации бригад коммунистического труда ни Репин, ни Левитан не имеют. Но, когда бригада Анатолия Шинина, пользуясь лишними часами свободного времени, посвящает свой досуг сокращенным занятиям по сокращенной программе русской литературы, это говорит о многом. И прежде всего о том, как растет культурный уровень молодого рабочего.

Именно этот активный культурный рост помогает молодому рабочему решать и самые сложные производственные задачи, требующие от человека не только физических усилий и профессиональной сноровки, но и умственных сил. Все они серьезно учатся, эти товарищи, слесари, фрезеровщики комсомольского возраста. В бригаде Ромашова, например, на том же Металлическом заводе все учащаяся в восьмом классе вечерней школы, а кто и в техникумах институтах.

В ознаменование 40-летия комсомола бригада Михаила Ромашова взяла на себя обязательство повысить производительность труда на десять процентов. А когда были подведены итоги, оказалось, что добились они не десяти, а двадцати трех с половиной процентов. И это не предел. Ветер на вахту в честь XXI съезда КПСС, Ромашов и его товарищи повысили производительность труда бригады еще на семь процентов.

Послушать Ромашова, так все очень просто.

— У нас, — говорит он, — нет равнодушных и пассивных. Все старается хорошо работать и хорошо учиться. Кому, видно, трудно, тому помогаем.

А ведь на самом деле это совсем не «просто»! Когда молодой токарь помогает своему товарищу по бригаде, хулая прежде всего об успешных результатах их общего труда, это такая зримая черточка коллективизма, которую не отметить нельзя. Из таких черточек и сложится красивый и выразительный портрет человека коммунистического общества.

Каждый, кто слушал молодых ленинградцев на слете бригад коммунистического труда в Таврическом дворце, не мог не запомнить речь Николая Ерофеева с Кировского завода. Громких слов в этой речи не было. Но была в ней такая убежденность, которая пороже любых ораторских флюридов. Потому что Ерофеев, так же как и Ромашов с Металлического, и Воронин с «Выборжца», и Смирнов с Балтийского, и Курский, бригадир штукатуров, и Мальцева, швея с «Володарки», говоря, казалось бы, о самом будничном и обыкновенном, высказал то, о чем сейчас возмущенно думают тысячи и тысячи таких же, как он, рабочих парней и девушек:

— Жить и трудиться по-коммунистически! Мои товарищи понимают это так: раз мы комсомольцы и союз наш коммунистический, то мы должны честно и добросовестно выполнять производственные задания, делиться своим опытом, неустанно учиться, чутко относиться к товарищам на работе и в быту, постоянно крепить товарищество, так как это — основа жизни коллектива!

То, что сказал Ерофеев, — это, в сущности, целая программа жизни. И именно о программе жизни, которую они только лишь начинают осуществлять, говорят и его товарищи. Не малога она от них по-

требует. Но с тем большей энергией и увлечением они за нее берется.

И не только они, молодые выборжцы, кирвичи, володарцы. Почин молодых рабочих подхватили студенты-техники. Горячо прозвучал в Ленинграде призыв студентов Политтехнического института имени М. П. Калинина, которые в своем обращении к учащимся всех других технических вузов пишут:

«Мы не можем стоять в стороне от нового благородного движения молодежи. Связь студентов с производством не должна ограничиваться практикой или работой над дипломным проектом. Мы должны быть в цехах не гостями, а активными участниками производственного процесса, членами рабочего коллектива».

Один из практических видов такого непосредственного участия в жизни рабочих коллективов — помощь студентов молодым производственникам и в освоении новой техники, и в разработке технологических проблем, и в их учебе. Бригадир бригады коммунистического труда завода «Красный выборжец» Николай Воронин — студент Северо-Западного заочного политехнического института. «Мы можем», — пишет калининцы, — помочь Николаю Воронину закончить институт, Олегу Романову — сдать вступительные экзамены в вуз, Леониду Артюшкину и Ивану Бурмистрову — заниматься в техникуме. Леониду Воронину, Николаю Лисуну и Андрею Купавцеву — в вечерней средней школе».

Вслед за студентами-калужинцами выступили студенты Технологического института имени Ломоносова, которые предложили свою помощь молодым бригадам «Красного треугольника», «Красного химика», завода имени Ворожского и имени 2-й Пятилетки. Сегодня таких примеров активной дружбы студентов и молодых производственников десятки, завтра их будут сотни!

Кому, как не писателям, запечатлеть истоки этой бурно вымывшейся молодой реки?

Люди моего поколения, современники первых пятилеток, никогда не забудут, как зачислялись на советской земле такие «дела-титаны», которые в корне изменили наши представления о темпах труда и его масштабах, а главное, о человеке, превращающем свою трудовую деятельность из тяжелой обязанности в творческий подвиг, в дело чести, славы, доблести и героизма. Мы счастливые свидетели тех замечательных дней, когда, рожденные в гуще жизни, прочно входили в наше сознание такие «очень крупные слова», до того неслыханные, как «ударник», «передовик социалистического соревнования». За каждым из этих слов — история целого поколения советских людей, неутомимой энергией которых воздыгались и утвердились социалистические формы труда и жизни.

И вот еще одна страница этой истории, создаваемой советским человеком: бригады коммунистического труда. Не за горами те дни, когда и это, пока еще новое, сочетание слов войдет в наш повседневный трудовой обиход и станет таким же привычным, как привычным стали понятия «ударник» или «новатор производства». Но сегодня оно овеяно восторженной романтикой праздничной новизны, в которой так светло открываются черты необыкновенного нашего времени, времени, где нет места «пустынным делам» и «словашкам», а свершаются «дела-титаны», и дела эти рождают по-новому звучные и волнующие слова.

С годами, конечно, эта река станет шире и глубже, и много свежих притоков она еще в себя вберет. Но, с чего начала она стремительное свое движение, можно увидеть и почувствовать только сегодня!

Зел. ШТЕЙНМАН

Сергей ЛЬВОВ Без любви...

по поводу одного письма

СКОЛЬКО сложно послоник, сколько спето печальных песен, сколько книг написано об ошибке, которая становится бедой, — о браке без любви.

В этих заметках речь пойдет об ошибке другого рода, но тоже горькой, которая может изуродовать жизнь человека или обеднать ее...

Передо мной лежит письмо в редакцию «Литературной газеты». Его написал студент — будущий художник-технолог сцены. Профессия интересная, на самом стыке техники и искусства, расчета и вдохновения. Но автор письма испытывает муки отращения к ней. «Вся учеба, — пишет он, — стала невыносимым насилием над собой».

Может быть, он недоволен тем, как преподается избранная им специальность? Нет, причины иные... Вот что говорится в письме:

«...Мне могут задать вопрос, почему я поступил в театральный институт. А вот почему. С юных лет (а мне уже 31 год) я интересуюсь драматургией и кинодраматургией, посещаю театр и кино, пробовал работать корреспондентом газет, писать пьесы, сценарии, рассказы. Первые два года учебы в институте мне устраивали своей тематикой и дисциплинами, необходимыми для моего литературного труда и образования. На третьем курсе программа сдвигается в узкой специализации... Вид предметов, введенных на этом курсе, подсказывает мне, что я занимаюсь сейчас не своим делом, что необходимо срочно, не теряя времени, вернуться на избранный путь... По натуре я жизнерадостный человек, очень люблю жизнь и пытаюсь как можно глубже разобраться в ней. Я готов годами колесить по стране, все видеть, все знать, обо всем поведать читателю. И когда я допускаю мысль, что должен по окончании института замкнуться в четырех стенах сценарной коробки с поголом и полем, мне становится не по себе. Мой удел — это космическая скорость, гул неисчислимых машин и механизмов, огромный пульс kloчкочущей жизни страны. Я не хочу быть немым свидетелем чужих чужих дел».

зерцателем чужих подвигов, хочу, чтобы и моя жизнь стала подвигом.

За последние время мне приходится много думать о литературной работе. Как мне начать по-настоящему работать? Состав и расширение для изучения предметов по специальности; нужно решить, где я буду жить, как я буду обеспечивать материальные нужды, и многое другое. Если бы мне было меньше лет, можно было бы подумать о поступлении в Литературный институт... Посоветуйте, как быть?»

ДЛЯ ТОГО чтобы «посоветовать», как быть, нужно, конечно, знать, какие данные для литературной работы есть у того, кто просит совета. Но допустим, что такие данные есть. Сделаю это допущение, вспоминаю множество хороших литераторов, которые не уходили от своей нелитературной профессии, и она была для них не обузой, а источником жизненного материала. Потом приходят на ум примеры прямо противоположные. Многие писатели и журналисты в зрелые годы круто ломали жизнь, оставляли прежнюю специальность, чтобы всецело посвятить себя литературе.

А вот случаи, когда настоящий писатель пренебрежительно отозвался бы о первом практическом деле своей жизни, что-то не вспоминаются. Вряд ли можно представить себе Чехова, который считал бы годы учения на медицинском факультете пропащими, а свою профессию врача — обузой. Пришвина, сетующего, что занимается агрономией, или Бажова, пожалевшего, что потерял время, учительству.

Человеку творческому чужда мысль, что дело, нужное людям, можно делать сейчас не своим делом, что необходимо срочно, не теряя времени, вернуться на избранный путь... По натуре я жизнерадостный человек, очень люблю жизнь и пытаюсь как можно глубже разобраться в ней. Я готов годами колесить по стране, все видеть, все знать, обо всем поведать читателю. И когда я допускаю мысль, что должен по окончании института замкнуться в четырех стенах сценарной коробки с поголом и полем, мне становится не по себе. Мой удел — это космическая скорость, гул неисчислимых машин и механизмов, огромный пульс kloчкочущей жизни страны. Я не хочу быть немым свидетелем чужих чужих дел».

Можно, наконец, сказать студенту, который о предстоящей ему работе — должности заведующего постановочной частью театра — говорит в начале письма с худо скрытым пренебрежением, что она сводила бы его с театральными художниками и рабочими сцены, с артистами и зрителями...

Но прежде чем говорить все это автору письма, хочется начисто ему объяснить, почему вроде бы и искренне, оставляет неприятный осадок. В нем угадывается фальшивый звук.

СЕМЬ ДИПЛОМОВ ДМИТРИЯ МАТВЕЙКО

НОЧЬЮ позвонили из управления дороги, передали телефонограмму: «Слесаря ремонтных мастерских дистанции пути Дмитрия Матвейко вызывает начальник дороги в Кишинев. Выходить срочно».

Утром он был в Кишиневе. Выслушал поздравления, отвечал на вопросы, записывал советы инженеров. К вечеру получил командировочное предписание и затем выехал в Москву. Еще через день его принял министр путей сообщения, а дальше, как говорится, дело пошло в рабочем порядке.

Инженеры Министерства путей сообщения помогли Матвейко в расчетах, они разложили его готовую машину на составные части, части эти перенесли на строгие листы ватмана... В стандартной рамочке, что ставится в правом нижнем углу чертежа, написали нормальным шрифтом: «Путеизмерительная тележка конструкции Д. Д. Матвейко».

«Вы видели, как обходчик проверяет железнодорожный путь? Шагает человек по шпалам, толкая перед собой специальную измерительную тележку, и смотрит, как маленькие самочки вычерчивают свои кривые — ширину колеи, возвышение внешнего рельса на повороте. Старые путеизмерительные тележки весили пять пудов. Представьте, как с ними малялся: поставить на рельсы снимки, — а снимать надо быстро, — повод ждать не может. Матвейко построил путеизмеритель весом в 20 килограммов. Вот эта первая его оригинальная работа и послужила несколько лет назад причиной срочного вызова в Кишинев, а затем и в Москву».

Высокий, улыбающийся, скорый на острое слово, Матвейко положил на стол семь авторских свидетельств и прокомментировал:

— Вот мои дипломы, других пока нет...

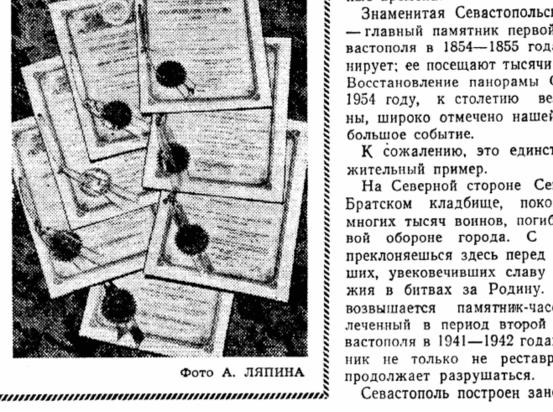
Кроме упоминавшейся уже измерительной тележки, авторские свидетельства были выданы Матвейко на гидравлический домкрат для подъема пути, на гидравлический кустылер, на прибор для измерения стрел прогиба рельсов на кривых участках железнодорожного пути и другие приспособления и машины, облегчающие труд железнодорожных рабочих, обеспечивающие безопасность движения.

О Дмитрии Дмитриевиче Матвейко хорошо рассказывал заведующий ремонтными мастерскими:

— У нас в Бендерах Матвейко первый изобретатель, — к нему за консультацией отовсюду обращаются, и всегда он интересно, как-то по-своему технические задачи решает...

Два московских, конопольский, калужский заводы выпускают сегодня продукцию по чертежам слесаря из Бендер. А у него снова срочная работа: изменять, улучшать конструкцию кустылера — хватит людям с ломиком мучиться!

Такой уж беспокойный характер у кандидата в члены ЦК Коммунистической партии Молдавии, изобретателя, слесаря Матвейко, ныне выдвинутого кандидатом в депутаты Верховного Совета Молдавской ССР.

Анатолий МАРКУША

БЕНДЕРЫ

Кому, как не писателям, запечатлеть истоки этой бурно вымывшейся молодой реки?

Люди моего поколения, современники первых пятилеток, никогда не забудут, как зачислялись на советской земле такие «дела-титаны», которые в корне изменили наши представления о темпах труда и его масштабах, а главное, о человеке, превращающем свою трудовую деятельность из тяжелой обязанности в творческий подвиг, в дело чести, славы, доблести и героизма. Мы счастливые свидетели тех замечательных дней, когда, рожденные в гуще жизни, прочно входили в наше сознание такие «очень крупные слова», до того неслыханные, как «ударник», «передовик социалистического соревнования». За каждым из этих слов — история целого поколения советских людей, неутомимой энергией которых воздыгались и утвердились социалистические формы труда и жизни.

И вот еще одна страница этой истории, создаваемой советским человеком: бригады коммунистического труда. Не за горами те дни, когда и это, пока еще новое, сочетание слов войдет в наш повседневный трудовой обиход и станет таким же привычным, как привычным стали понятия «ударник» или «новатор производства». Но сегодня оно овеяно восторженной романтикой праздничной новизны, в которой так светло открываются черты необыкновенного нашего времени, времени, где нет места «пустынным делам» и «словашкам», а свершаются «дела-титаны», и дела эти рождают по-новому звучные и волнующие слова.

С годами, конечно, эта река станет шире и глубже, и много свежих притоков она еще в себя вберет. Но, с чего начала она стремительное свое движение, можно увидеть и почувствовать только сегодня!

Зел. ШТЕЙНМАН

Предотвратить угрозу атомной войны

Письмо советских общественных деятелей организаторам Европейского Конгресса за ядерное разоружение

По поручению Советского комитета защиты мира группа общественных деятелей СССР 13 февраля направила письмо Бертрэнду Расселю, канонику Люсьену Дж. Коллинзу, писателю Дж. Пристли и другим организаторам Европейского Конгресса за ядерное разоружение, состоявшегося в январе этого года в Лондоне.

В письме отмечается, что советская общественность выражает глубокое удовлетворение итогам Конгресса, отразившего беспокойство народов по поводу атомной угрозы. Советский комитет защиты мира, говорит в письме, полностью соли-

дарен с участниками Конгресса в Лондоне в вопросах прекращения испытаний атомного и водородного оружия, создания безатомных зон и поддержания идеи соизволения этого года всемирного конгресса за ядерное разоружение.

Целям лучшего взаимопонимания между советской и английской общественностью способствовал бы обмен мнениями между организацией «Путь к ядерному разоружению» и Советским комитетом защиты мира по вопросам запрещения атомного и водородного оружия, прекращения его испытаний.

при этом не испытывать никаких огорчений?

Но если совлечь с его письма налет позерства, по-моему, вполне очевидный, в нем останется главное: оно — свидетельство того, как горько распахивается человек, который идет заниматься безразличным ему делом. Впрочем, наш студент, кажется, это уже понял. Но он видит покуда только те огорчения, которые касаются его лично, обозначен только ими. Однако все это имеет не только личное значение.

КОГДА человек не любит свою профессию, за такой «брак без любви» расплачиваются не только он и его близкие.

Стоит представить себе учеников, которых учит учитель, не любящий их детей, ни своей специальности, большого, которого лечит врач, случайно затесавшийся на эту стезю, и ясно поймешь, что тот, кто идет учиться лишь бы и куда попало, обрывает не только себя, но всех, кому придется иметь в будущем дело с ним — специализацию не по призванию, а по недоразумению. Так вина перед собой может стать виной перед людьми. И тогда такой человек получает диплом, его вина разделяет и те, кто мирится с его отращиванием к будущей профессии как с настроениями, которые де никто не касаются.

Жаль, что человек, который говорит о своем желании «как можно глубже разобраться в жизни» и даже пишет о ней, не замечает, какая острая и общественно значительная тема заключена в его собственном письме: человек, который делает не свое дело.

Когда-то судьба человека, занимающегося не своим делом, привлекала внимание Чехова. Вспоминается страница из его записной книжки: «Бездарный ученый, тулупа, прослужил 24 года, не сделал ничего хорошего, дав миру десятки таких же бездарных узких ученых, как он сам. Тайно по ночам он переплетает книги — это его истинное призвание...» Может показаться, что горечь этих строк вызвана судьбой ученого, ошибившегося в выборе пути. Но не горше ли была для Чехова мысль о тех, перед кем этот мнимый ученый представлял как деятель науки? Ведь именно так — безогорочно и беспощадно — была решена Чеховым эта тема в образе Серебрякова из пьесы «Дядя Ваня».

В этой связи мне кажется интересным рассказ Валерия Артищева «Свой хлеб», который печатался в журнале «Молодая гвардия». В рассказе есть такой эпизод. Аспирант Роман Сырыматников показывает свою первую опубликованную работу: «О языке сказов П. Бажова с точки зрения исполь-

О памятниках города-героя

КОМУ не известно, что сохранение памятников прошлого — исключительное важное дело. Казалось бы, вопрос этот настолько ясен, что нет нужды говорить о нем. Но положение дел таково, что мы должны снова и снова обращаться с критикой к делу, что непосредственно отвечает за сохранность памятников, за повседневный уход за ними.

Город-герой Севастополь и его окрестности богаты историческими памятными местами. В каком же состоянии находятся памятники, сооруженные здесь в разные времена?

Знаменитая Севастопольская панорама — главный памятник первой обороны Севастополя в 1854—1855 годах — функционирует; ее посещают тысячи экскурсантов. Восстановление панорамы Севастополя в 1954 году, к столетию великой обороны, широко отмечено нашей печатью как большое событие.

К сожалению, это единственный положительный пример.

На Северной стороне Севастополя, на Братском кладбище, покоятся останки многих тысяч воинов, погибших при первой обороне города. С благоговением преклоняешься здесь перед величием павших, увековечивших славу русского оружия в битвах за Родину. На кладбище возвышается памятник-часовня. Искалеченный в период второй обороны Севастополя в 1941—1942 годах, этот памятник не только не реставрирован, но и продолжает разрушаться.

Севастополь построен заново. Все в городе отличается новизной, чистотой, опрятностью, как и подобает морскому порту. И вот на прекрасном фоне заново отстроенного легендарного города, в центре его, стоит полуразрушенный, изуродованный войной бывший Владимирский собор. В соборе покоятся останки М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и В. И. Истомина.

Никто не велает, что же будет дальше с этим знаменитым памятником. По-моему, самым правильным решением было бы построить на месте полуразрушенного собора памятник-мавзолей русским адмиралам, как имена золотыми буквами вписаны в историю русской военно-морской славы.

Особо следует сказать о братском кладбище воинов Севастопольского оборонительного района возле хутора Дергачи. Это кладбище возникло к концу обороны Севастополя, в 1941—1942 годах.

На этом кладбище похоронены не только бойцы из восьмой бригады морской пехоты, которой командовал полковник Гарпищенко, но и бойцы и офицеры других частей и соединений Севастопольского оборонительного района. Кроме того, здесь похоронены бойцы и офицеры, погибшие в боях за освобождение Севастополя в 1944 году. Это братское кладбище находится сейчас в совершенно неудовлетворительном состоянии.

Когда я спросил у председателя горисполкома тов. Кирсанова, почему до сих пор не приведены в порядок памятники, он ответил мне, что главная причина — отсутствие средств. Есть план, есть заявка на средства, но нет денег.

Как же быть? Всем известно, какие огромные средства затрачивает государство на охрану памятников прошлого. Разумеется, не всегда возможно эти расходы производить за счет государства. Но если вспомнить историю, то надо сказать, что большинство памятников строилось на общественные средства, на средства добровольных пожертвований. И у меня возникло предложение: почему бы и нам не собрать деньги на ремонт и сохранение памятников прошлого? Конечно, это может производиться на добровольных началах и организованно. Нельзя разрешить по каждому поводу, каждой организации производить сбор средств. Но в данном случае, например, обспрофесовано, по-моему, можно собрать деньги для восстановления памятников, имеющих большое историческое значение. Я уверен, что это имело бы успех.

Адмирал Ф. ОКТЯБРЬСКИЙ

В Артичеве судит ему не очень строго. Быть может, ему кажется, что Роман виноват лишь тем, что позволил просовать себя с наукой без любви.

Но нередко там, где можно сказать, что человек выбрал дело «без любви», приходится добавить: «и по расчету», по расчету в самом обязательном смысле этого слова. Самые равнодушные к своему делу оказываются часто самыми неравнодушными к «приданому», которое это дело может принести.

НЕСКОЛЬКО лет назад в курилке было услышано «Заповеди диссертанта». В них вроде бы зло высмеивались представления тех, кто идет в науку не за знаниями, а за званиями, и вместе с тем уж очень старательно были собраны в «Заповедях...» гадкие правила обязательной дипломатии, рассчитанные на облегчение научного искусства. Похоже было, что кто-то из сослуживцев принимает их всерьез.

Перестройка работы высшей школы вызывает большинство подобных козырей. И все-таки нет-нет, а встретишь «мужа науки», который обручился с ней по самому что ни на есть обязательному расчету. Недавно в научном зале библиотеки имени Ленина много дней подряд можно было встретить одного из них. В законченности своего облика он так и просился под карандаш карикатуриста. Утром он вылазил из стола несложное оборудование «научной» работы: том чужой диссертации, общую тетрадь и свежий номер иллюстрированного журнала. Топился и мучался, зевая и задремывая, он списывал целые страницы чужой диссертации, каждый час-полтора делал перерыв и с наслаждением впадал в очередную лютость детектива.

Однажды я выплеснул из хранилища том, который он разрабатывал, на допотопический жилу. И тогда высказалось самое смешное: диссертация, которую он облюбовал, была пустопожженной и мертворожденной. Конечно, такой «брак без любви», так же как и в личной жизни, прежде всего обманывает того, кто делает на него ставку. И даже если он преуспеет внешне, он останется внутренне нищим. Да человек, который идет заниматься тем, к чему он равнодушен, виноват вдвойне: и перед собой, и перед людьми.

Общественные причины, позволяющие профессору Серебрякову занять в науке и в жизни место, ему не принадлежавшее, ушла в прошлое, но осталось еще немало предрассудков и пережитков, связанных с выбором профессии, и литература нашей, наверное, еще не раз придется заниматься ими.

ОБ УМЕНИИ ДОРОЖИТЬ ДОСТИГНУТЫМ

Исаат СУЛТАНОВ

В РИД ли найдется хоть один человек, который не видел бы нового бурного роста литературы народов СССР после XX съезда КПСС. В частности, об этом росте и его масштабах убедительно говорят прошлые десятилетия грузинской, киргизской, казахской, а теперь и узбекской литературы и узбекского искусства в Москве.

На какие размышления наводит этот рост критика и литературоведа? Первое ощущение, конечно, — ощущение радости и гордости за многонациональную советскую литературу, за нашу Родину, за наш советский строй, за коммунистическую партию. В новых значительных успехах каждый из нас видит не только факт духовного обогащения нашего общества сегодня, в них мы видим также реальные возможности подъема литературы и искусства на новый, еще более высокий уровень, соответствующий задачам великого семилетия.

Но можно ли наше умение дорожить достигнутым свести только к закону и глубокому патристическому чувству удовольствия и гордости? Разумеется, нет. Умение дорожить достигнутым — это умение глубоко разбираться в том, что создано, и не ограничиваясь восторгам, сделать позитивные выводы из положительных, а также из отрицательных явлений, которые тоже наличествуют в сегодняшнем большом и сложном литературном процессе.

Новые задачи требуют, естественно, дальнейшей активизации кадров литературоведов и критиков. Нам надо преодолеть до конца «академическое» замыкание в рамках вопросов, отдаленных от живого литературного движения дня. Главное направление в развитии советской литературы определяет и главное направление в развитии литературоведческой науки. Наши писатели, следуя призыву Коммунистической партии, создают все новые и новые произведения на материале сегодняшней жизни советских людей. И весьма важной стороной утверждения современной тематики становится обобщение опыта большой работы писателей в этой области, выявление уроков их работы.

Например, два романа: «Сильнее буря» Ш. Рашидова — о людях, борющихся за освоение целинных земель, и «Три корня» П. Кадрырова — о жизни людей высшей школы — при некоторых своих недостатках поучительны в том отношении, что дают основание для разговора о значении новизны мизантропического материала, впервые вводимого в литературу... О целине? Какая тут новизна? — спросит нас. Да, о целине писали многие. Но новаторство романа Ш. Рашидова заключается главным образом в том, что автор раскрыл глубокое идейное содержание темы, которая носит слишком прозрачное название — «освоение целинных земель».

В процессе освоения новых земель шла идейная борьба принципиального характера: коммунистическая партия вытравляла пережитки недоверия в творческие возможности народа, создавала условия для развертывания народной инициативы.

Обсуждение журнала

На днях в Московском доме кино собрались кинодраматурги, режиссеры и критики, чтобы обсудить работу журнала «Искусство кино». С сообщением о деятельности журнала, его задачах и перспективах выступил главный редактор Я. Фогельсон. В прениях приняли участие З. Аграновский, С. Горюнов, А. Капелюк, И. Владов, А. Сидянов, Е. Сапрынов, С. Фурманов, А. Штейн и другие. Выступавшие отметили, что за последние два года работа журналов «Искусство кино» и «Искусство литературы» расширилась кругом тем, стало более ярким оформление, журнал из «искусствоведческого» фактора стал превращаться во всеобщий. На обсуждении были высказаны также критические замечания в адрес журнала, в частности упреки в недостаточном внимании к вопросам теории.

вы. Новизна темы в литературе — это и богатство новых идей, лежащих в недрах жизненного материала и вводимых писателем вместе с ним в литературу.

Почувствительна и новая повесть А. Каххара «Птичка-невеличка». Тема нового облика советской женщины-убежденки — тема многих произведений. Но повесть А. Каххара удачна в том смысле, что в ней ощущается тесная связь формирования главного действующего лица — Саиды с важнейшими событиями и идеями конкретного исторического периода борьбы с пережитками культа личности. Это делает образ повести значительным и новым. Повесть А. Каххара я рассматриваю как замечательное достижение нашей литературы.

Хорошие произведения последних лет дают обильный материал для обобщения опыта художественного мастерства. Возьмем пьесу Уйгуна «Хуррият». На материале этого безусловного достижения узбекской драматургии вполне возможно осветить такие вопросы мастерства, как значение неприглаженного, острого конфликта в драме на современную тему, роль юмора в «серьезной» драме, особенности театрального диалога и т. д.

Впервые в узбекской драматургии создан образ В. И. Ленина. Смелый и удачный в основном, опыт старейшего узбекского драматурга К. Япена в пьесе «Путеводная звезда» заслуживает специального изучения в сравнении с другими попытками создания образа Ильича во всей советской литературе.

Много нового, положительного можно найти в писательском почерке А. Якубова, Р. Файли, Саида Ахмада, А. Мухоморова, С. Зуннунова, Дж. Джаббаров, М. Шейхзаде, Зульфийи, Мирмухтар, Миртемира, Шукрулла, М. Бабаева, Р. Бабаджана и других. Все это требует изучения, освещения. Занимаемся мы этим современным опытом, прямо скажем, мало.

Б УРНОЕ развитие большой прозы в узбекской литературе, в том числе появление новых романов Айбека, Х. Гуляма, И. Рахима, М. Исмаиля, Шухрата и других, придает особую остроту проблемам развития крупных прозаических жанров.

В самом деле, облегчает или осложняет задачи критиков и литературоведов такое сугубо положительное явление в литературе Узбекистана, Казахстана, Азербайджана и т. д., как рост жанров большой прозы? Ведь это явление становится типичным почти для всех без исключения советских национальных литератур.

Несколько лет тому назад борьба критики за большую прозу сводилась у нас, главным образом, к разграничению значеня большой прозы, к призывам встать, наконец, за нее. Теперь надо разобраться, все ли из написанных крупных по размеру прозаических произведений являются по существу романами? Следовательно, необходимо осветить проблему специфики романа, обобщить опыт авторов в овладении мастерством романиста.

Если несколько лет тому назад в ряде республик были попытки объявлять всякое длинное стихотворение поэмой, то теперь подобное же ненормальное явление начало наблюдаться и в прозе. И борьба с ним также есть неотъемлемая часть борьбы за высокий идейно-художественный уровень нашей литературы.

Вопрос о подлинности этого уровня должен быть поставлен тем более остро, что у отдельных писателей наблюдается тенденция спекулировать на современной тематике, а также и на таком важном деле, как развитие национальных литератур, борьба за дальнейший подъем ее идейно-художественного уровня.

сы взгляды, по которым любое литературное произведение большого, часто от неумения автора разбухшего, объема следует считать большим событием в литературе. Хотя, казалось бы, ясно, что без соответствующего уровня мастерства такие произведения не сулят ничего, кроме больших гонораров авторам и больших горечей читателей. Критика должна вести острую борьбу с такими явлениями.

Вместе с тем начинающим романистам должен быть разъяснен вред своего рода «монументализма», когда малоопытный еще автор, пишущий только первый роман, задумывает его уже как часть эпопеи, состоящей из нескольких романов.

Нельзя пройти мимо такого весьма отрицательного последствия увлечения «монументализмом», когда молодой озабоченный писатель все свои творческие планы на несколько лет связал уже с задуманной эпопеей и не имеет ни времени и ни желания работать, скажем, над таким важным жанром, как очерк о людях наших дней, как создание полноценного репертуара для кино и телевидения (что, кстати, дает возможность калужанам орудовать на этих важных участках литературно-идеологической работы).

НЕ ИЗУЧЕННЫХ или мало изученных отраслей и проблем нашей литературы все еще немало. В литературе многих и многих народов нашей Родины впервые за годы Советской власти зародились и успешно развиваются детская литература, кинодраматургия, литературоведение и критика. Они изучаются мало и плохо, что онятно свидетельствует о нашем недостаточном умении ценить достигнутое.

Хотелось бы обратить внимание специалистов по литературе (и не только их) на одну область, по нашему мнению, отсталую отрасль литературоведения.

В республиках рука об руку с местными национальными писателями работает большое количество русских писателей. Вместе с киргизскими, узбекскими, белорусскими, украинскими, таджикскими, туркменскими они показывают, главным образом, жизнь тех народов, среди которых создана и создается интересная художественная литература на русском языке. Между тем изучением этой литературы в республиках еще не занимаются. Предполагается, что этим должны заниматься специалисты по русской литературе в Москве и в других городах России. Но ведь ясно, что опыт русских писателей, живущих в национальных республиках, должен изучаться в тесной связи с жизнью и литературой каждой республики (что, конечно, не исключает изучения творчества этих писателей в России). Первым шагом в этом отношении, на мой взгляд, должна стать организация специальных секторов по русской и другим литературам в научно-исследовательских институтах языка и литературы республик. Это проблема не только научная, но и политическая. Если национальные литературы изучаются в Москве, Ленинграде и других культурных центрах России, то не является ли интернациональным долгом научных учреждений братских республик изучать русскую литературу, создаваемую там?

Перед советской литературоведческой наукой стоят большие задачи. И залогом успешного и своевременного решения этих задач будут дальнейшая творческая активизация литературоведов и критиков, их последовательная борьба за осуществление принципов партийности в науке, борьба против проявлений ревизионизма, против нигилистического отношения к успехам советской литературы, борьба за дальнейший подъем ее идейно-художественного уровня.

Гафур Гулям
Зульфийа

Зульфийа

Уйгун

ЧИТАТЕЛЯМ

Когда, еще в девичьи годы,
Заглял для вас я искры первых строк
Он слился с мощным пламенем
Тот неприметный робкий огонек.
Сказали мне: «Гори, не угасай!
Мы знаем, что губительен пожар.
Но пламя сердца, песнь твою простая
Да будет нам, как благотворный дар»
И это пламя отдала долгами,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке
Студенческим вагончиком целинным,
Студенческим в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казаюсь, дала нам пером пером,
Ни горы, ни веселья не таила,
И честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово,
Сияющее, как его душа?

Перевел с узбекского С. Липинин

Кармыс ДОСАНОВ

И В А

Наш край изъездил ты и вдоль, и поперек,
Запомнил гор хребты и красоту дорог
А ну-ка, мой друг, что ветви клонились низко,
Ты в памяти своей по-прежнему ли сберег?

Ее пыльная листва и ветви хороши,
Прекрасные слова ей шепчут камыши
Над зеркалом воды расчесывая ряды
Что думает она в предутренней тиши?

Ей ветер-озорник заплел сто длинных кос,
Ей подарил арык жужжанье стрекоз,
Но клонится она, свои сутулит плечи
Касается земли кожной густой волос.

Земля ее поит, земля ей жизнь дала —
И кроны буйный вид, и ширину
И к матери-земле дочь тянется
Ветвями, когда б могла объять, — давно бы объяла...

Перевел с каракалпакского Роман СЕФ

Сергей Бородин
Рисунки худ. И. ИГИНА

«Советские художники свято хранят реалистическое искусство»

Англичане — о выставке русского и советского изобразительного искусства

ДЕСЯТКИ тысяч лондонцев уже посетили о. Крыжовник в канун нового года в столице Великобритании — выставку русской и советской живописи с. И. Наш корреспондент попросил директора выставки, кандидата искусствоведения В. Зименко, вернуться на днях из Лондона, поделиться своими впечатлениями.

— Необходимо отметить, — сказал В. Зименко, — что впервые в Англии экспонируются оригинальные произведения мастеров русской и советской живописи. В олимпиаде залах Королевской академии художеств представлено более 120 полотен, охватывающих огромный период развития отечественной живописи начиная с конца XII века и до наших дней.

О выставке много писалось в английской печати до ее открытия. Вернисаж продолжался три дня: 30 декабря — для печати, на котором присутствовало более двухсот корреспондентов столичной и провинциальной прессы; 31 — для приглашенных и 1 января — для широкой публики. Выставку ежедневно в среднем посещает около двух тысяч человек. По словам секретаря Королевской академии художеств Хэмфри Врука, это рекордная для Лондона цифра.

В книгу впечатлений уже внесено свыше тысячи записей, в большинстве из них: «Принято видеть произведения русского искусства...» «Нас поражает реализм...» «Русские, слава богу, сохранили здравый смысл в искусстве».

Весьма положительные отзывы об экспозиции дали президент Королевской академии художеств сэр Чарльз Уилер, директор Художественной академической школы Генри Рендер и другие виднейшие деятели современного английского изобразительного искусства. Президент Национального королевского общества скульпторов Марк Баттон назвал выставку «весьма осве-

жающей и радующей, поскольку советские художники, следуя примеру своих великих предшественников, свято хранят реалистическое искусство».

Критик «Дейли телеграф энд Морнинг пост» отмечал, что на выставке представлена настоящая жизнь в отличие от модернистского искусства, которое англичане привыкли видеть у себя за последние годы, — здесь много яркости, настоящей смелости. Очень высоко оценил выставку известный критик Джон Бергер, выступивший в одном из журналов, а также в специальной телевизионной передаче.

Критика и посетители особенно отмечали произведения И. Репина, В. Перова, И. Левитана, М. Врубеля, В. Серова. Из работ советских художников наиболее впечатлительные произвели картины В. Серова — «Холоди у В. И. Ленина», А. Пластова «Колхозный ток» и «Ужин трактористов». А. Дейнеки — «Оборона Петрограда». О картине Б. Иогансона «Допрос коммунистов» сэр Чарльз Уилер сказал, между прочим, что она привлекает своей человечностью, искренним драматизмом. Фурор произвела картина Курдюнских «Юнец», напоминающая о злодеяниях немецких фашистов и постигшей их каре.

Не обошлось и без «ложки дегтя». В ряде газет появились неблагоприятные статьи, явно инспирированные теми кругами, которые не заинтересованы в развитии и укреплении дружеских связей между нашими странами. И все же, вопреки этим нападкам, выставка пользуется большим успехом. Вместо 1 марта, как первоначально предполагалось, закрытие ее, по просьбе англичан, состоится не ранее середины марта.

Пятидесятилетие поэта Николая Рыленкова

ПОЭТУ Николаю Рыленкову исполнилось 50 лет. В адресованном ему приветствии говорится: Дорогой Николай Иванович! Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Российской Федерации от всей души поздравляют и приветствуют Вас в день Вашего пятидесятилетия, которое Вы встречаете в расцвете творческих сил.

Большой русский поэт и видный прозаик, постоянный заботливый руководитель Смоленской писательской организации, выдвинувший в советской литературе общезнаменитые славы имени. Вы заслужили всей своей деятельностью, Николай Иванович, признанный авторитет и уважение в советской литературной среде. Не менее общезвестна широкая по-

пулярность в читательских массах Ваших замечательных лирических стихов, Ваших поэм, посвященных Родине, которые и во всей Российской Федерации, и далеко за ее пределами неизменно находят живое, благодарное внимание.

Есть писательская общественность, особо подчеркивая Вашу энергичную деятельность в качестве члена бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР по подготовке и проведению Первого учредительного съезда писателей Российской Федерации, на котором Вы были избраны в состав правления нового союза.

Желаем Вам, дорогой Николай Иванович, новых и новых творческих успехов, доброго здоровья и всего лучшего в Вашей светлой жизни.

Былых морей, ходивших здесь волнами. Бормочет шквал, а ты види, мой милый, Или ко мне! Огонь вдали мигает. Оно открыто... Дверь открыта... Пахнет Холстом, и чебером, и ликой мятой. Тысчелый нет. Нет ничего Между тобой и мной.

Герой (конкретный герой тех лет) понимает эти страстные слова как еще один, высший этап искусства. Но разве сама по себе это не прекрасная, не чистая, хотя и насыщенная любовью? Посмотрите сегодняшними глазами, и вы увидите в этих словах «зоркий», рад коному стоит побороться за такую любовь, когда «нет ничего между тобой и мной» — ничего чудного друг другу и «общему». К этому приходит и лирический герой «Эфемеры». В этом состоит его душевное развитие от начала до конца поэмы.

Но и не только в этом. В поэме есть третий, еще более глубокий проблемный «слой», не конкретно-исторический («злой»), но морально-этический («личное и общее»), а философский.

Зачем появляется в поэме расстриганоп, похожий на бога? Чтобы укрыть героя, дать ему ночлег? Но разговор с ним, его монологи занимают больше половины поэмы! Простая нерасчетливость автора? Нет, не в том дело.

Поп — хороший, умный агитатор: он искушает героя сильнее, чем любая женщина, основательнее, во всяком случае. Глядя, говорит расстрига, какая кружка красота — кипение, разнообразие, мощь жизни (и в этом жизнелюбивый герой с ним не может не согласиться). Как же надо относиться к этому миру? Жалко хватать, авантюристическое «ловить момент»? Не обязательно. Можно спокойно наслаждаться, все принимать, все равно благополучно, и начатку-соединку, и латыша-комиссара, и Коминтерн, и старый шар земной. Живи, полной грудью вдыхая волюху, незамученными глазами глядя на благоутреннюю землю.

И опять-таки расстрига — не примитивный экипуер. У него есть что добавлять к этому прекрасному миру:

Все справедливо в нашем мире, только Нам не хватает сказки. Потому Нам по ночам тоскливо спать с подругой.

«...Вы пленники законов. Законы рядом с вами. А случайный Стоит над вами Это есть закон. Дурной или хороший — неизвестно... Случайный и закон — одна расплата.

Вот тут герой настаивается. Разве это не философская полпорка той «случайности», в которую верит и которую жаждет героя (вот ощути случайность... ну, руку потерян, ну, только папел...), давай подем в Константинополь и т. п.? Различное оказывается в методах жизни, а не в ее целях.

Нет, утверждает тоже влюбленный в сказку поэт, только та «сказка» хороша, что не летит в быстрой потоке постижения «невыполнимых законов». По существу, в столкновении героя с расстригой художественно раскрывается то различие «закона» и «случайности», истинного и ложного понимания «сказки», веры, которое философы противопоставляют наш материализм современной прагматической полтеке под него.

...Но не будем углубляться в философию и докопаться до некоторых своеобразных прищипов формы «Среднего века».

Восточными примерами оригинальной «многослойной» композиции являются, кроме «Эфемеры», поэмы «Город сна», «Сказка о сне», «Мотила Абу-Мулчи», «Двенадцать ночи», «Дербент», «Баку! Баку!». Связанные меж собой и другими поэмами сказочными лирическими темами, они все построены так, что за конкретным передним планом протискивается второй, третий, четвертый. В стремительном однородном рассказе-потоке вдруг что-то неожиданно повторяется — и вот вы уже в ялом «слое», в плоскости иного проблемного потока. Связь одних и тех же лирических тем в разных поэмах осуществляется Лутовским чаще всего приемом, так сказать, образного или стилистического напоминания. В поэме «Двенадцать ночи» есть, например, символический образ встающей над колониальными берегами Левы свободы, — и память сразу подсаживает «параллельный» образ из поэмы о гражданской войне: «Как из моря кровавых... встает яса в красном женщина — Коммуна...».

Сопоставив эти два образа, мы полнее, с большим количеством ассоциаций, ощу-

(Окончание на 4-й стр.)

Здание нашего века

Ю. СУРОВЦЕВ

Луговской последовательно, из поэмы в поэму, ведя лирическую тему «личного» и «общего», сумел показать нам жизненную многогранность, которую придал этому «вечному вопросу» сложный и запутанный XX век.

Пусть отменяется «личное» в его старом содержании. «Личное» нужно человеку. Новому человеку — новое личное. Иногда — исторически известно, «когда» — тоска о нем, желание его проявляются лишь негативно, как в «Эфемере», поэме о 20-х годах: личное счастье ощущимо нужно, но ясно пока только, каким оно не должно быть, какое «личное» не есть «счастье».

Но мы добивались нового «личного» счастья и добились его. И защищали в войну. Во всей своей страстности, во всей своей связанности с землей, небом, общим миром оно предстает у Луговского в блестящей «Сказке о сне», фантазмагории которой вымывают у нас последние ассоциации с такими сугубо реалистическими книгами, как, скажем, «Пулковский меридиан» В. Инбер или «Время жить и время умирать» Ремарка. И уже без всяких фантазмагорий, в страшной реальности «Москва. Бомбардировочные ночи», их реальный, а не фантастический, зловещий рокот сопровождается раздумья поэта о «личном» и «общем»: ведь самолеты летят бомбить и наше «общее» и наше «личное».

...Как хлестко и метко бранила наша поэзия уют «вещей», бытовое обранствие! Грандта война, гибли люди. Какая уж тут забота о вещах! На войне; как на войне: сты по себя забудь — и победишь». И те, кто именно в такое время старательно блюдет уют и вещи, — последние мелочные и пошлые люди.

Но мне. Хотя заданье своим потрохам, Когда вокруг стоит прожектор — Как десять пальцев нашего столетья.

И все же именно в военных днях приурочена Луговским глубокая и мудрая «Поэма о вещах». Да, на войне — не до личного, не до уюта. Но именно поэтому на войне — особенно до личного, до уют-

та. Вещи, «мещанские» вещи встают как милое, но не обезоруживающее, — наоборот, будащее отвагу и гнев — напоминание о мирной жизни:

Итак, я славлю вещь человека Над беднами и смертью. Я хочу Уют земли превознести по праву. Я был бесценен, молод и усат. Однажды ночью, весело скитаясь По переулкам ласковой Москвы, Увидел я в окне кота. За ним Стояла девушка, в ночной сорочке, Расчесывая волосы тяжелым Широком гребнем. И вокруг нее На плоскости лежало столько странных И удивительных, простых предметов, Что замер я. То были занавески. Кофейные книги, абжур, портреты Неизвестных людей, и зеркала. И кактусы в коричневых горшочках, И, кажется, тот голубой старик, Который я увидел в раннем детстве. Ее ночные завитки волос. Как песенка о мировом уюте. Над коюстью моей легко проплыли, И через годы вновь зовут меня К московской осени и фонарям Бездомным, и к ночному возвращению. К заглядыванию в маленькие окна, И к каждой жизни и круговороту Бесчелных, существующих вещей.

«Личное» и «общее», «базальная» истина о том, что они могут гармонизировать друг с другом. Нелегко достается и достается эта истина людям XX века. Будем же ценить ее во всей той человеческой познате и драматизме, что открывает нам «Середина века».

Г ОБОРЯ о книге Луговского, П. Антукольский в рецензии, напечатанной «Комсомольской правдой», заметил, в частности: «У этой поэмы сложный контрапункт, ее темы скрещиваются между собой, как стемы проекторов в ночном небе, они сталкиваются и снова расходятся...». Сказано не без «красного слова» (прожектора и контрапункт, какая связь?), и тем не менее замечание о контрапункте представляется очень верным и его хотелось бы развить.

Контрапункт в музыке — это такой вид многозвучия, когда в нечто музыкаль-

но единое, цельное объединяются партии, имеющие самостоятельное движение. В контрапункте нет аккомпанемента, «подгирывания»; его многозвучная цельность иного качества, она «многоголосна».

Тае построено большинство поэм книги Луговского.

Вот пример. Поэма «Эфемера». Она обладает — отметим прежде всего — неким новеллистическим сюжетом (из нее мог бы получиться рассказ с эффектной концовкой, с тем самым point, о котором так много писали теоретики новеллы)... Герой поэмы, молодой командир, ходит с товарищами по винным погребам Ай-Даниля; они пробуют вина, говорят о радости жизни, о разных пониманиях счастья, о справедливости; герой думает о том, кого он любит, хотя она духовно чужда ему, она, грубо говоря, нянчка, а он ненавидит нянчков и даже «омущен» их видимым благополучием. Она живет на даче рядом, он не хочет идти к ней (это значит, размышляет он, поступить своими принципами, «продать себя, перемешать себя... за грядку твою»), и все же, воспоминаний любовью, маляршей и вином («вино, вино, прощающая радость» — блестяще сказано, не правда ли?), идет к ней; приступ малярши сваливает его у калитки, он приходит в себя уже в комнате, где сидит какой-то покойник на Саваофа человек, потом они пьют вино, долго говорят и спорят о справедливости, о закономерности и случайности, о вечном и преходящем («эфемерность»), о правде и лжи, о праве человека сказать на сказку (мы просим не упускать из внимания перечисления того, о чем говорит персонажи поэмы) — под конец человек, поп-расстрига, сообщает, почему он так долго «заговаривал» героя: там, на соседней даче, у «снег» шел обсек.

Нелюбох новелла! И в то же время очевидно, что главное в поэме — не пересказанный нами сюжет; главное — те диалоги и монологи, подвешенной опорой которым служат сюжетные «повороты» действия. И вот эти-то диалоги и монологи отчетливо распадаются; нет, не распадаются, — размываются в трех проблемных «слоях». Первый «слой», с которым прекрасно гармонирует весь сюжет, — так сказать, конкретно-исторический. Это — думы героя о нем, о его противоречиях,

«Рядом вот, возьми. Вот ощути случайность. Вот прижми. Существование прежде! Вот рядом Стоят другие жизни, повороты. Ну, помечтай! Мы улываемся с тобой На шухне, на закат, в Константинополь. Ну, помечтай немного. Ну, попробуй. Ну, руку протяни, ну, только палец За нашим счастьем...».

«Ты слишком беспечно Судил счастье: «Рядом вот, возьми. Вот ощути случайность. Вот прижми. Существование прежде! Вот рядом Стоят другие жизни, повороты. Ну, помечтай! Мы улываемся с тобой На шухне, на закат, в Константинополь. Ну, помечтай немного. Ну, попробуй. Ну, руку протяни, ну, только палец За нашим счастьем...».

Сегодня рвется и влетают, Крабы Карабкаются. Сожмет пена. Ночью Луна старинная идет над степью И осеяет белые ракушки — Остатки бурь, волнений и прибой

